

В эти дни исполняется 70 лет со дня смерти **Алексея Максимовича Горького**, «великого пролетарского писателя», которого потом постарались развенчать и забыть. Наверное, он был небезгрешен, тот, о ком словарь Брокгауза и Ефрона когда-то давно повествовал: «...знаменитый писатель, родился в 1869, сын ремесленника, обойщика, с 7 лет круглый сирота. До 18 лет служил поваренком на волжском пароходе, потом пекарем в Казани. К чтению сказочной и лубочной литературы его приохотил пароходный повар, отставной солдат».

Сегодня мы публикуем своеобразное интервью, которое мог бы дать Федор Шалапин, вспоминая своего друга Горького.

— Много замечательных и талантливых людей мне судьба послала на моем артистическом пути. К первым и трогательным воспоминаниям о юной дружбе моих московских дней относится встреча с Сергеем Рахманиновым. Какой детской доброты этот человек... Но помню, почти одновременно с великими князьями арестованы были в Петербурге два моих сердечных друга — бароны Стюарты. Это были добродушнейшие и... тонко воспитанные молодые люди. Когда пришла революция, Володя надел полушубок, валяные сапоги и пошел работать грузчиком на железной дороге. Николай окончил медицинский факультет, старался практиковать. Политикой не занимались никакой.

Но они были бароны! Этого было достаточно для того, чтобы их арестовали. Я отправился на Гороховую улицу в ЧК. На счастье Стюартов, где-то на верхах в то время будто бы решили не применять больше к политическим преступникам смертной казни. Об этом ожидался декрет. И вот, для того чтобы арестованные и содержавшиеся в тюрьмах не избегли, боже упаси, смерти, всю тюрьму расстреляли в одну ночь, накануне появления милостивого декрета!

Так нипочем погибли мои друзья, братья Стюарты...

— И тогда Горький, видя, как вы страдали, мучительно метались, посоветовал увезти семью за границу? Признанный гений мировой оперы, кумир русской публики, крепкий мужик, вы так и не смогли уберечь от голода своих маленьких детей?

— Я работал в три раза больше, чем до революции. Я думал: вот наступило время, когда мои боги, которых я так чтил, придут к власти, устроят жизнь хорошо — хорошо для всех; жизнь осмысленную, радостную и правильно-рабочую. Впервые я услышал имя Горького от моего милого друга Сережи Рахманинова. Нам представлялся А.М. Пешков-Горький прекрасным источником. К жизни я относился горячо. Многим, наверное, покажется неожиданным мое признание, что в течение почти двух десятков лет я сочувствовал социалистическому движению в России и едва ли не считал себя самого заправским социалистом! Гуляя однажды ночью с Максимом Горьким на этом чудном Капри, я, по ходу разговора с ним, вдруг спросил его: «Не думаешь ли ты, Алексей Максимович, что было бы искреннее с моей стороны, если бы я вступил в партию социал-демократов?» Если я в партию социалистов не вступил, то только потому, что Горький посмотрел на меня

13 АРХИВ АЛЕКСАНДРА РОГОВА

Федор Шалапин с любимым бульдогом

в тот вечер строго и дружески сказал: «Ты для этого не годен. И я тебя прошу, запомни один раз и навсегда: ни в какие партии не вступай, а будь артистом, как ты есть. Этого с тебя вполне довольно».

— А идеолог Пролеткульта В.В. Игнатов требовал социализировать вас, первого народного артиста Советской России...

— Горький не скрывал своих чувств и открыто порицал большевистскую диктатуру. Революция, говорил он, не дебош, а благородная сила, сосредоточенная в руках трудящегося народа. Это торжество труда, стимула, двигающего мир.

— Но ведь и вы устраивали большевистские дебоши, даже в своей столовой. Получить приглашение отобедать с вами считали за честь корифеи русской культуры — Римский-Корсаков, Репин, Дальский, Стасов и здесь же бывали телохранитель Ленина, заштатные партийцы...

— Омерзительно вспоминать. К неподходящим людям привыкали с такой же покорностью, с какой призывали к недоеданию и к потрепанному платью. Собрались у меня однажды финляндский коммунист Рахия и русский коммунист Куклин, бывший лабазник. Рахия очень откровенно и полным голосом заявил, что та-

ких людей, как я, надо резать: «Ни у какого человека не должно быть никаких преимуществ над людьми. Талант нарушает равенство». Замечание меня позабавило, но, на беду, заораторствовал Куклин: ничего, кроме пролетариев, не должно существовать, а ежели существует, то существовать это должно для пролетариев. Точно стало. А он все свое: никто ничего не понимает, а в особенности я, Шалапин. «Вот вы, актеришки, вот вы, что вы для пролетариата сделали? Да что ты понимаешь в пролетариате?»

Заиграла во мне кровь Грозного и Бориса. Забыв мой долг хозяина дома, позеленев от бешенства, тяжелым кулаком хлопнул по гостеприимному столу: «Встать! Подобрать живот, сукин сын! Как ты смеешь со мной так разговаривать? Кто ты такой, что я тебя никак понять не могу? Навоз ты этакий, я Шекспира понимаю, а тебя, мерзавца, понять не могу. Молись Богу, если можешь, и приготовься, потому что я тебя сейчас выброшу в окно на улицу...»

— Как же соратники Горького не способны были понять, что вы зарабатывали деньги не путем эксплуатации чужого труда, не спекуляцией на голоде и несчастьях народа, а путем тяжелой работы, талантом, силой духа.

— Я не стану скрывать, мне очень больно. Ведь революционцы-то желал, красную ленточку в петлицу вдевал, кашу-то революционную для «накопления сил» едал.

Когда я, совестью покинутый родную страну и мучаясь сложившейся обстановкой жизни и работы, после долгой внутренней борьбы решил в конце концов перебраться за рубеж, я со стороны Горького враждебного отношения к моему решению не заметил.

Подготовил
3 Александр Рогов